

Mary
STEWART
1916 – 2014

Мэри
СТЮАРТ

Терновая обитель

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 88

Mary Stewart
THORNYHOLD

Copyright © Mary Stewart 1988

The right of Mary Stewart to be identified as the Author
of the Work has been asserted by her in accordance with
the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

First published in Great Britain in 1988 by Hodder & Stoughton
an Hachette UK Company

Перевод с английского Александры Максимовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-15183-3

© А. Максимова, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Моим родителям
с любовью и признательностью*

Ты войди в сей чудный лес,
Коль посмеешь.
Будто зыблемый волной,
Ты в покое под листвою.
Сердце радостью полно,
В мире будь с любою тварью,
Коль сумеешь.
Лишь когда совсем темно,
Все вокруг теряет форму:
В кронах злобных взглядов блеск —
В страхе побледнеешь.
Ты войди в сей чудный лес,
Коль посмеешь.

*Джордж Мередит.
Уэстермейнский лес.
Перевод А. Роткли*

ГЛАВА 1

Я думаю, моя мать вполне могла бы стать колдуньей, если бы захотела. Однако она встретила моего отца, почтенного священника, и их женитьба свела на нет реальную для нее возможность превратиться со временем во вторую фею Моргану. Вместо этого она стала женой английского викария и управляла приходом так, как было принято тогда — более полувека назад, — железной рукой, даже не прикрытой перчаткой. Она сохранила всю яркость своей натуры, являя во всем свое превосходство, сдобренное налетом жестокости, и не испытывая ни малейшего сочувствия к слабости и некомпетентности. Думаю, у меня было трудное детство. Наверное, и у нее было такое же. Я помню фотографию ее матери, своей бабушки, которую я так никогда и не видела и которой, однако, я боялась все детство: стянутые назад волосы, жесткий, испытующий взгляд и безгубый рот... Бабушка жила где-то в джунглях Новой Зеландии и обладала всеми необходимыми добродетелями первопроходцев, кроме того, была известной целительницей

и сиделкой. В былые времена ее, наверное, считали бы знахаркой или колдуньей. Впрочем, именно так она и выглядела. Моя мать — улучшенная с точки зрения внешности копия бабушки — унаследовала от нее все эти качества. Безжалостная по отношению к здоровым, принципиально презирующая всех женщин, безразличная к детям и животным, она тем не менее была бесконечно внимательна и терпелива с новорожденными и прекрасно ухаживала за больными. Лет сто назад она бы кормила бедных и убогих бесплатным супом и желе, но эти времена прошли, и теперь вместо этого она председательствовала на деревенских собраниях и делала то же желе и джемы для продажи («Нам нужны деньги, а люди все равно не ценят то, что достается им бесплатно»), а когда в шахте происходил несчастный случай, она всегда шла туда вместе со своим мужем и доктором и была нужна там не меньше, чем они.

Мы жили в холодном мрачном шахтерском поселке на севере Англии. Наш дом, неплохо построенный, был тем не менее ужасным: слишком большим и страшно холодным. Вода была очень жесткой от содержащегося в ней известняка и всегда ледяной. В юности моя мать не знала, что такое горячая ванна, поэтому не видела причин тратить деньги на нагреватель для воды. Если нам нужна была вода

для мытья, мы кипятили ее в кастрюлях на плите. Ванну дозволялось принимать только раз в неделю: два дюйма жесткой тепловатой воды. Уголь обходился нам дорого — по фунту за тонну, а электричество для церкви и дома священника подавалось бесплатно, поэтому иногда мне разрешали включать в своей крошечной холодной комнате слабый электрический обогреватель, и он не давал мне окончательно замерзнуть. Руки и ноги у меня всегда были обморожены, но жаловаться считалось недостойной слабостью, поэтому на это никогда не обращали внимания.

Дом священника стоял на краю деревни, отделенный от церкви большим садом, где мой отец, которому помогал старый могильщик («Я хорошо копаю, я это здорово умею»), проводил все свободное от пастырских обязанностей время. С одной стороны сада шла дорога, с трех других его окружало кладбище. «Тихие соседи», — говорили мы, и это была чистая правда. Я не помню, чтобы меня беспокоила мысль о покойниках, лежащих в земле так близко от дома. Более того, наш обычный короткий путь в деревню лежал через самую старую часть кладбища. Для предоставленного самому себе ребенка такое место было довольно мрачным, и, наверное, мое детство было даже более одиноким и грустным, чем у Шарлотты Бронте в Хейворте. Впрочем, так было

не всегда, и воспоминания о собственном «золотом веке» помогали мне переносить тяготы теперешней моей жизни.

До того как мне исполнилось семь лет, мы жили в маленькой деревушке душ в двести или около того. Приход наш был небольшим, мы сами — очень бедными, но само местечко было чудесным, работа моего отца — легкой, а наш дом — небольшим и удобным: старинный невысокий белый особнячок, стены увиты плющом, под стенами разбиты клумбы пахучих фиалок, белые розы заглядывают через портик. Среди сирени стояла беседка, а позади — теннисный корт, за которым тщательно ухаживал мой отец и куда иногда заходили поиграть наши соседи. Приход состоял в основном из фермеров. Их владения были разбросаны на пространстве в несколько квадратных миль, по которому шла только одна «главная» дорога. Машинами почти никто не пользовался — ходили пешком или ездили на двуколке. Автобусов не было вовсе, а железнодорожная станция находилась в двух милях от деревни.

Всего семь лет. Но даже сейчас, когда с тех пор прошло почти в десять раз больше времени, воспоминания о той поре нисколько не потускнели и не стерлись в памяти, и груз прожитых лет никак не отразился на них.

Зеленая деревушка, в центре — старинная серая церковь, пасущиеся ослики и козы. Везде огромные деревья — на лужайках, в садах, вдоль дороги. Сама дорога — с тремя глубокими колеями от колес и копыт, вьющаяся между живыми изгородями из диких цветов. Нагретые солнцем камни, которыми вымощен наш двор, где гуляют куры и дремлет кот. Звон из соседней кузницы и резкий запах паленых копыт, когда кузнец подковывает чью-то лошадь. Сад, в котором растут пионы, фиалки и цветы водосбора, похожие на восседающих в гнезде голубей. Целые облака сирени, свешивающиеся над дверью школы, что в самом конце сада, и огромные желтые розы у ступенек, ведущих на теннисный корт.

И ни единого человека. В этих дорогих моему сердцу воспоминаниях нет места людям. Впрочем, за одним исключением. Я прекрасно помню день, когда я впервые повстречала двоюродную сестру своей матери — Джейлис.

Она была моей крестной, поэтому на самом деле я должна была, конечно, видеть ее и раньше, но в памяти отпечаталась именно та встреча тихим летним днем, когда мне было шесть лет.

Тот день не был днем моего рождения, потому что родилась я в сентябре, но все же он был каким-то необычным, выпадающим из череды других дней, особенным, и я ждала его со

всем нетерпением лишённого какого-либо общения ребенка. Поначалу он сулил стать таким же, как и все прочие дни, то есть мне предстояло провести его в одиночестве, потому что мой отец ушел навещать прихожан, мать была слишком занята, чтобы возиться со мной, а играть с деревенскими детьми мне, конечно же, запрещали.

Не думаю, что мне разрешили уходить со двора, но тем не менее я это сделала. В самом конце сада, за школой, у меня был собственный лаз в заборе. За ним тянулся пологий склон, похожий на парк из-за огромных деревьев, растущих на нем небольшими островками, а в самом низу, окруженный с трех сторон рощицей, находился пруд. Совершенно бесцельно (если не считать целью приблизиться к сверкающей поверхности пруда) я пошла туда и уселась на траву.

Мне кажется, что я помню каждое мгновение той прогулки, хотя поначалу я видела только мешанину ярких сочных красок, совсем как на полотнах импрессионистов. Звуки тоже смешивались — пение птиц в роще и стрекотание кузнечиков в высокой траве, где я сидела. Было жарко, и запахи земли, травы и стоялой воды в пруду навевали дрему. Я сидела в каком-то оцепенении, уставившись широко открытыми глазами на ленивый ручеек, впадающий в пруд неподалеку.

И вдруг что-то произошло. Может, сместилось солнце? Мне кажется, я помню внезапную вспышку, словно рыба выпрыгнула из воды, блеснув чешуей на солнце.

В сонном мареве красок вдруг отчетливо проступили очертания отдельных цветковых пятен. Неожиданно все оказалось залитым ярким светом. Золотые и белые венчики гигантских маргариток, возвышавшиеся над моей головой, качнулись, словно под порывом сильного ветра. Потом воздух, наполненный всевозможными запахами, снова застыл. Птицы перестали петь, замолчали кузнечики. Я сидела тихо, словно червячок на стебле, в самом центре этого полного жизни мира и впервые почувствовала, что я его часть.

Я подняла голову. Передо мной стояла тета Джейлис.

Едва ли в ту пору ей было больше сорока, но мне она показалась старой, как казались старыми мои родители, которым было за тридцать. Она чем-то напоминала мою мать — выразительной линией рта и носа, пронзительными серо-зелеными глазами и горделивой осанкой. Но моя мать была рыжеволосой, а волосы тети Джейлис ниспадали темными волнами и были перехвачены черепаховыми гребнями. Не помню точно, что на ней было надето, кажется, что-то темное и просторное.

Она опустилась на траву возле меня, даже не задев при этом цветов. Потом провела пальцем по одному из стеблей. На палец вскарабкалась божья коровка и поползла вверх.

— Ну-ка, — сказала тетя Джейлис, — сосчитай на ней пятнышки.

Маленьким детям даже самые необыкновенные происшествия иногда кажутся само собой разумеющимися — такого простодушия взрослые, со своими мерками, как правило, абсолютно не понимают. Я не видела ничего странного во внезапном появлении тети Джейлис или в ее приветствии. Все эти волшебные появления и исчезновения — всего лишь часть детского мира, в котором они случаются по его желанию несметное число раз.

— Семь, — сказала я.

— Семиточечная *Coccinella*, — согласилась тетя. — Ну а теперь нужно попросить ее лететь домой.

Мне тоже так казалось, и я начала:

— Божья коровка, улети на небо. Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе — ни одной.

Божья коровка улетела, и я посмотрела на тетю:

— Это ведь просто песенка, да?

— Конечно. Божьи коровки — умные жучки, они живут в траве и конфет не едят. Ты знаешь, кто я, Джили?

— Вы — мамина сестра, тетя Джил. У мамы есть ваша фотография.

— Да, есть. А что ты здесь делаешь?

Должно быть, вид у меня был испуганный. Кроме того, что я нарушила запрет и ушла со двора, я еще задремала в траве! Но под испытующим взглядом тети Джейлис я сказала правду:

— Просто сижу и думаю.

— Да? А о чем?

Удивительно, но ее голос звучал не только ласково, но и заинтересованно.

Я оглянулась. Ожившие было цветы и трава снова превратились в яркие бесформенные пятна.

— Да так. Обо всем.

За такие ответы я всегда получала резкий выговор от взрослых, однако тетя кивнула, словно выслушала подробное объяснение.

— Например, живут ли в нашем пруду головастики, а?

— Да! А есть?

— Наверное. Посмотрим?

Мы посмотрели, и они там были. Еще мы увидели пескарей и колюшек, а потом тетя Джейлис указала мне на высокий стебель камыша, растущий прямо из воды. Неожиданно вода около него вспучилась, потом образовавшийся пузырек лопнул, и наружу выползло какое-то существо, похожее на личинку. Мед-

ленно, тщательно ощупывая стебель камыша лапками, существо поползло вверх, постепенно оставляя позади свое отражение в воде. Наконец оно выползло совсем и стало обсыхать на солнце.

— Что это?!

— Личинка. Смотри, Джили. Просто смотри.

Существо зашевелилось. Уродливая голова запрокинулась, словно от боли. Не успела я понять, что происходит, как вдруг на стебле оказалось уже два тельца — лопнувшая пополам оболочка и выбирающееся из нее другое существо, только что родившееся, гибкое и живое, более тонкое и длинное, чем прежнее. Оно поползло вверх, прочь из сморщенных обрывков своей грязной шкурки, а солнечный свет ласкал его, гладил, расправлял прозрачный шелк крыльев, пронизанный паутинками тонких, как волоски, прожилок, и откуда-то, словно из воздуха, тельце существа начало впитывать цвет, пока не стало таким же лазурным, как небо над головой. Крылья распрямились, существо вытянулось, приподнялось — и через секунду, само похожее на солнечный лучик, взмыло ввысь, к солнцу.

— Это была стрекоза, да? — услышала я свой шепот.

— Да. Ее называют *Aeshna caerulea*. Можешь повторить?

— *Aeshna caerulea*. Но как это? Вы сказали, это лучинка, а там, внутри, значит, была стрекоза?

— Да. Только не лучинка, а личинка. Она живет на дне пруда, в темноте, и питается чем попало, пока в один прекрасный день не обнаружит, что может выползти на свет, расправить крылья и полететь. А то, что ты здесь видела, — весело закончила тетя, — самое обыкновенное чудо.

— Волшебство? Это вы сделали?

— Ну нет. Кое-что я, конечно, могу сделать, но не это. Когда-нибудь, если я не ошибаюсь, понадобится чудо, очень похожее на это. Другой личинке, в другое время и в другом месте. — Быстрый ясный взгляд. — Ты меня понимаешь?

— Нет. Но вы все-таки умеете делать какое-то волшебство, значит вы волшебница, да, тетя Джейлис?

— Почему ты об этом спросила? Они об этом говорили дома?

— Нет, мама только сказала, что вы приедете погостить, а папа сказал, что вас не очень-то звали.

Она засмеялась, встала и потянула меня за собой.

— Надеюсь, это в большей степени в переносном смысле. Не обращай внимания, детка, и пойдём-ка домой, ладно?

Но на этом чудесный день не закончился. Мы медленно шли назад через лужайку, и казалось, так естественно было встретить там ежиху с четырьмя ежатами, спешащих куда-то в высокой траве.

— Миссис Тиггивинкл¹, — выдохнула я, а тетя Джейлис засмеялась, но не поправила меня.

Один ежонок нашел червяка и с аппетитом его схрумкал. Они прошли совсем близко, ничуть не испугавшись нас. Потом тетя стала показывать мне разные цветы и рассказывать о каждом из них, так что к концу прогулки я уже знала названия и особенности около двадцати растений. И даже моя мать не сказала ничего по поводу моего исчезновения из сада, и все кончилось хорошо.

Тетя Джейлис гостила у нас еще несколько дней и большую часть времени проводила со мной. Погода стояла тихая и ясная, как было всегда в те далекие времена, поэтому все дни мы проводили на улице, и эти ежедневные прогулки, как я сейчас понимаю, определили всю мою дальнейшую жизнь. Когда тетя уехала, таинственный свет, который излучали в ее присутствии леса и поля, исчез, но тот огонек, который она во мне зажгла, остался.

¹ *Миссис Тиггивинкл* (в русском переводе миссис Тигги-Мигги) — ежиха, героиня сказки Беатрис Поттер.

Это был последний счастливый эпизод из моих семи незабываемых детских лет. Следующей весной мой отец получил новое назначение в другое епископство — огромный приход в уродливом шахтерском поселке, где везде высились кучи отработанной породы, а дым и пламя доменных печей, шум работающих двигателей отравляли нашу жизнь и днем и ночью. И жить мы стали в холодном и неудобном доме у кладбища.

Там не было ни стрекоз, ни цветущих лугов, ни ежей с ежатами. Я упрашивала родителей позволить мне завести какую-нибудь зверюшку, хотя бы белую мышь, но мне не разрешали. А между тем дом священника, как и большинство домов того времени, дополняли прекрасные конюшни со множеством дворовых построек и стойлами для лошадей. (Мне, как я уже сказала, не разрешали держать никаких домашних животных.) Иногда, правда, я пыталась выходить птичку или мышь, которых частенько притаскивала наша кошка, но безуспешно. Сама кошка резко отвергала всякую заботу о себе, предпочитая полудикую жизнь в сарае.

Однажды кюре подарил мне крольчонка. Довольно неотзывчивое животное, но тем не менее я его обожала, холила и лелеяла, пока однажды мать не велела вернуть кролика хо-

зяину. На следующее утро кюре пришел, как обычно, поговорить с моим отцом и принес моего кролика — освежеванного и выпотрошенного. Я убежала наверх, в свою комнату, где меня вырвало. Папа пытался объяснить все удивленному и обиженному кюре, а мама, может быть впервые, поднялась ко мне и стала нежно и ласково утешать меня. Шло время. Горе и обида постепенно стерлись из моей памяти. Случай с кроликом в нашей семье никто больше не вспоминал.

Говорят, мозг сам защищает себя от потрясений. Я возвращаюсь к тем далеким годам моего детства и с удивлением обнаруживаю, что помню очень мало. Редкие развлечения — экскурсии на автобусе с отцом, прогулки с ним по деревне, добрые шахтерские жены, которые называли меня Джили и относились ко мне с такой же любовью и уважением, как и к отцу. Если же разговор заходил о моей матери, в их голосах звучала почтительность совсем иного рода.

Помню долгие часы в своей холодной комнате, где я рисовала карандашами и красками, причем всегда только цветы и животных; помню, как стояла подолгу возле окна, глядя на кладбище, платаны и красный закат над угольными шахтами, и мечтала, мечтала... О чем? Сама не знаю.

И наконец в один прекрасный день снова появилась она. Тетя Джейлис решила нанести нам прощальный, как она выразилась, визит, перед тем как отправиться навестить свою мать (мою бабушку) в Новой Зеландии. В то время люди еще не путешествовали на самолетах, поэтому подобное путешествие могло занять год, а то и больше. Кроме того, по пути в Новую Зеландию тетя хотела увидеть новые города и страны. Я вслушивалась в незнакомые названия: Каир, Дели, Филиппины, Перу... Она вернется, когда побывает во всех этих местах, а пока... пока она просит меня присмотреть за ее собакой. Собака оказалась черно-белым колли, худым, веселым и добродушным. Он, очевидно, потерял хозяев, а тетя нашла его и взяла себе, потому что никогда бы не бросила бедное животное, ввергнув его судьбу злему случаю или человеческой жестокости.

— Вот его документы. Эта собака будет принадлежать Джили. Ей нужен кто-то...

Я похолодела. Сейчас она скажет: «...кого она сможет полюбить», но тетя закончила просто:

— С кем она могла бы играть.

— А как его зовут?

Я опустилась на холодные плиты пола рядом с собакой и не могла даже поверить своему счастью. Моя мать не проронила ни слова.

— Назови его сама, он твой.

— Тогда я назову его Ровер, — сказала я, обнимая пса за пушистую шею.

Он преданно лизнул меня в щеку.

— Un peu banal¹, — улыбнулась тетя. — Ну ничего. Он не гордый. До свидания.

Она не поцеловала меня на прощание. Я вообще никогда не видела, чтобы она кого-нибудь целовала. Тетя вышла из дома, села в подошедший тут же автобус и уехала.

— Странно, — сказал отец. — Это, наверное, дополнительный рейс. По расписанию автобус уехал десять минут назад, я сам его видел!

Мать улыбнулась. Затем ее взгляд упал на собаку, и улыбка исчезла.

— Встань сейчас же с пола, Джил. Если ты хочешь, чтобы собака осталась у нас, нужно привязать ее во дворе. Не понимаю, зачем Джейлис оставила нам эту собаку, ведь здесь ее некому будет выгуливать.

— Я буду его выгуливать! Я...

— Тебя здесь не будет.

Я остолбенела. Расспрашивать мою мать было бесполезно. Она говорила только то, что считала нужным.

Сейчас она так крепко сжала губы, что они превратились в узенькую полоску, совсем как у бабушки на портрете.

¹ Немножко банально (*фр.*).

— Ты должна учиться. Тетя Джейлис права, тебе нужна компания. По крайней мере, ты не будешь мечтать у окна целыми днями.

— Не пугайся, малышка, — ласково сказал отец. — Тебе ведь действительно нужны друзья. Это наш единственный шанс дать тебе образование — тетя Джейлис взяла на себя большую часть расходов по обучению. Ведь мы сами не смогли бы заплатить такую сумму. Твоя крестная очень добра к нам.

— Она предпочитает, чтобы ее называли спонсором, — резко вставила моя мать.

— Да, я знаю. Бедная Джейлис, — грустно ответил отец. — Но тем не менее этот шанс упускать нельзя. Понимаешь, Джили?

Колли стоял около меня, и моя рука непроизвольно поглаживала густую длинную шерсть. Вдруг и этот холодный мрачный дом, и серые унылые поля вокруг — все это показалось мне близким и желанным. Я посмотрела на мать.

— Мапочка, неужели мне действительно нужно ехать учиться?

Не отвечая, она повернулась и вышла из кухни, наверняка уже думая о школьных принадлежностях и дорожных сборах. А кроме этого, я уверена, о том, что теперь восемь месяцев в году она будет свободна от дочери.

— Папа, мне действительно нужно ехать?

— Твоя мама думает, что так будет лучше, — не сразу ответил отец. Потом опустил

руку в карман, достал монету в полкроны и дал ее мне. — Джили, сходи-ка в магазин Вудса и купи Роверу миску для еды. Я вчера проходил мимо и видел их на витрине. Знаешь, такие, с надписью «ПЕС». И оставь себе сдачу.

Колли лизнул меня в щеку. Наверное, ему понравился вкус слез, потому что он лизнул меня еще и еще.

ГЛАВА 2

В итоге меня решили послать учиться в англиканский монастырь. Тетя Джейлис, пересекавшая в это время Атлантику, наверняка горячо воспротивилась бы такому выбору. Моя мать тоже была недовольна. Однажды вечером, стоя у открытого окна своей спальни, я невольно подслушала разговор родителей, происходивший в кабинете отца, этажом ниже.

— Поручить воспитание моей дочери монахиням? Какая нелепость! — говорила моя мать.

— Она и моя дочь тоже.

— Это ты так думаешь! — возразила моя мать так тихо, что я едва уловила ее слова, и тут же услышала, что отец смеется.

Я уже говорила, что это был просто святой человек, ему никогда не пришло бы в голову истолковать слова моей матери буквально. Кроме того, он действительно обожал ее.

— Конечно, дорогая. Джили вся в тебя — смышленная и, может быть, даже станет в один прекрасный день такой же красивой, как ее мать, но ведь я тоже имею на нее какие-то права, не так ли? Помнишь, что любит повторять наш старый пономарь?

Мать понимала, что зашла слишком далеко, и не стала продолжать спор. Голос ее потеплел:

— «Ты не сможешь отвернуться от чада твоего, отче...» И это действительно так, Гарри. Я так рада, что у малышки твои чудные темные волосы и твои серые глаза. Я всегда говорила, что природа совершенно напрасно израсходовала столько красоты на мужчину. Ладно... В общем, монастырь не так уж плох. Но ведь у нас где-то был еще проспект другой школы, где же он?.. Школа, по-моему, лучше монастыря и не намного дороже.

— Но гораздо дальше. Девоншир! Подумай только о железнодорожных билетах. Не беспокойся, дорогая. Я знаю, в школах при монастырях не бывает стипендий, но...

— Пойми, я боюсь, что они воспитают ее в религиозном духе.

Голос моего отца зазвучал удивленно:

— Но, дорогая, здесь я едва ли буду возражать.

Мать рассмеялась.

— Извини, я не так выразилась. Я имею в виду, что религиозным воспитанием там занимаются в ущерб остальным наукам, особенно естественным. А Джили нужно заниматься именно наукой, как мне кажется. Она хорошо соображает, и у нее отличная память, это у нее от меня...

Голоса стали тише — наверное, родители отошли от окна вглубь комнаты. Я высунулась как можно дальше и услышала обрывки фраз отца, что-то о «местной школе всего в двух остановках». В ответ на это прозвучала патетическая отповедь матери, и хотя я не могла разобрать всего, что она говорила, воображение легко восполнило пробелы: ее дочь — и в местную школу?! Плохо уже то, что ей пришлось ходить туда в начальную школу, но чтобы еще и в среднюю? Остаться там до семнадцати-восемнадцати лет и выйти оттуда, обзаведясь дурными знакомствами и акцентом, как у шахтерских детей?! Ни-ко-гда.

Все сказанное матерью было протестом женщины, в одиночку справлявшейся с жизненными трудностями, замкнутой в узком социальном кругу, и не казалось в ту пору чем-то необычным или не соответствующим приличиям. Не стоит забывать, что мать получила колониальное воспитание и представление о доме навсегда осталось у нее викторианским.

Кроме того, мне кажется, в ней говорила обида из-за нереализовавшихся возможностей, обманутых надежд и амбиций. Дочь моей матери (не отца, а именно матери) должна была достичь всего того, чего не удалось добиться ей самой, — если образование, то самое лучшее, университет, наука — почему бы и нет? У ее дочери должно быть то, в чем было отка-

Стюарт М.

С 88 Терновая обитель : роман / Мэри Стюарт ; пер. с англ. А. Максимовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15183-3

У Джили Рэмси с детства были причины верить, что ее любимая крестная, тетя Джейлис, немножечко колдунья, ведь ее редкие появления всегда были такими чудесными! Получив в наследство от тети дом в Уилтшире, Джили обнаруживает в своем новом владении комнату, где хранятся сушеные травы и какие-то снадобья, и получает послания от крестной, которые приносят голуби. Девушка узнает, что в деревне ее тетушка слыла ясновидящей и знахаркой — попросту ведьмой. Правду говорят люди или нет, но во сне Джили летает в лунном свете и видит загадочную сцену у древнего святилища друидов... Ей передались по наследству и способности к ворожбе, или добрая фея-крестная пытается указать девушке путь к ее счастью?

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

МЭРИ СТЮАРТ
ТЕРНОВАЯ ОБИТЕЛЬ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.07.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-VAK-23558-01-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/